

УДК 159.9.01 (075.8)

Структуры времени (субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии)

В. А. Поликарпов, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлена субстанциональная концепция времени, разработанная на основе эмпирических психологических исследований и психологического анализа существующих теорий времени. Сущность времени усматривается в созидании настоящего – определяющего условия единичного бытия. Время рассматривается как сложноорганизованная реальность, элементы которой определяются как структуры времени.

The Structures of Time (The Substantial Concept of Time through the Focus of Psychology)

V. Polikarpov, PhD in Psychology, Associate Professor

The article examines the substantial concept of time, developed on the basis of empirical psychological research and psychological analysis of relevant theories of time. The essence of time is considered in the observing of the present, which is the attribute of united existence. Time is considered to be a self-organizing reality, the elements of which are defined as the structures of time.

5. Ключевые факты*

Прежде чем пойти дальше, решим одну методологическую проблему. Выше мы пришли к выводу, что особенным, лежащим в основании мира, может быть и лист бумаги, и скрепка, и идущий за окном дождь, и музыкальная мелодия. Этот ряд можно продолжить до бесконечности. Здесь намеренно перечислены предметы так называемой материальной действительности. Но можно ли уровнять явления материальной и «психологической» действительности, говоря языком Г. Риккерта?

Г. Риккерт противопоставляет понятие единичного бытия во всей его особенности и индивидуальности понятию закона, выражающему общее, что заставило говорить о различии между естественно-научным и историческим методом [1].

Первый выражает общее в вещах, второй индивидуальное каждой из них. Для него содержание естественно-научных понятий состоит из законов, т. е. из безусловно общих суждений относительно более или менее широких областей действительности. В то же время, – замечает он, – не существует науки об единичном и особом, которое она бы рассматривала с точки зрения единичности и особости.

По мнению Г. Риккерта, доминирование естественно-научного метода, который он называет генерализующим, привело к выделению двух видов реальности: той, которая заполняет пространство,

науки не могут ввести в одну систему понятий оба рода объектов. В итоге получается наука о телах и психология. По мнению Г. Риккерта, всякий психический процесс может быть исследован лишь в связи с единством всей души в целом. Видимо, он берет только содержание психического процесса, т. е. его личностный, а не процессуальный аспект. Но далее он постулирует свое центральное положение: вопрос об особенном должен быть поставлен с точки зрения ценности.

Для Г. Риккерта не может быть других ценностей кроме ценностей культуры. Мы образовываем понятия с индивидуальным содержанием, – утверждает он, – когда соответствующий объект почему-либо и сам «интересен» или «важен», поскольку он отнесен к признаваемым нами ценностям культуры.

Эта дихотомия – природа и культура – кажется нам надуманной. Ведь все ставшее объектом познания выделяется как особенное, и все познаваемое имеет отношение к ценностям. Приведем здесь цитату из Э. Кассирера, частично подтверждающую это положение: «всеобщее всегда проявляется лишь в особенном, особенное всегда должно мыслиться в отношении ко всеобщему» [2, с. 18].

Только метафизика может избавить от рассмотренной дихотомии.

Нет философии без метафизики. Однако попытки устранить метафизику из философии, сами того не желая, подсказали интересное направление

т. н. «грамматические иллюзии». Он призвал к «битве против околдования нашего интеллекта средствами языка». Почему бы не пойти дальше и не проанализировать всю *психологическую* систему репрезентации знания. В известном смысле, цель этой работы не сформировать у человека новые образы¹ и не придать имеющимся образам новые обозначения, а избавить его от химер. Помочь убрать мешающие образы. Преодолеть существующие ныне стереотипы мышления.

Действительно, язык, в силу двойственности своей природы, скорее заслоняет реальность, чем проясняет ее, создавая «химеры», по выражению Л. Витгенштейна. Двойственная природа языка состоит в том, что любое слово и, соответственно, любое высказывание, кроме непосредственно обозначаемого, опираются еще и на исходный наглядный образ. Например, слово «засыпать» означает и засыпать песком, или чем-то сыпучим, некую емкость, и засыпать в постели. Когда мы говорим о засыпании в постели, исходное значение никуда не девается. Оно сопутствует употребляемому, скрываясь где-то на периферии сознания, но может появиться в сновидении или в мифе. Так появляется Песочный человечек, который сыпет детям песок в глаза, чтобы они заснули². В немецком языке слово *der Zweifel* означает сомнение. Специалисты в области символдрамы [3] утверждают, что в сновидениях двойственность чего-то: две ступеньки, два окна в доме, два на циферблате часов и т.п. символизируют сомнение. По-немецки два – *zwei*. «Стекло» означает, что что-то стекло (откуда-то) и то, что вставляют в оконные рамы. «Материя» – ткань, из которой шьют одежду и материя в философии. Первоначальный смысл никуда не девался, его слышит наше бессознательное, формируя свой образный ряд, влияющий на мышление. Вот фраза: «Отсутствие ясной политики у Петербургского Совета зависело не от личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень» [4, с. 53]. Ясно вам что-нибудь? Если да, то это иллюзия понимания. Там дальше еще лучше: «революционные массы затопили...» Все это легко *представить*. Слово «революционные» указывает на то, что эти массы состояли из людей. Добавим к этому еще цитату из Н. А. Бердяева: «Я сочувствовал «падению священного русского царства»...я видел в этом падении неотвратимый процесс развоплощения изоглавшейся символики исторической плоти» [5, с. 473–474]. Опять ясно? Он же сам говорит, что он видел. Вот и все. А кто видел 50 миллионов человек замученных и убитых? Отметим для себя,

и все вообще фразы, которые можно произнести, взятые в своем исходном, первоначальном значении, содержат в себе наглядность и связанное с ней чувство. Формируя абстрактные понятия, мы не можем вырваться за пределы наглядности. Более того, часто она, незаметно для нас самих, начинает оказывать влияние на наше мышление. Часы, которые я себе выбрал, имеют белый циферблат, черный корпус и зеленые стрелки. У девушки, знакомство с которой подтолкнуло меня к работе над этой темой [6], – бледное лицо в черной рамке волос и зеленые глаза. Я понял это уже после покупки. Когда мы подбираем незнакомое слово или фразу, чувствуя, что найденные сюда не подходят: не то, не то – мы и не догадываемся, что нами управляет некий наглядный образ, вроде бы не имеющий отношения к делу, который требует слово, не нарушающее его идентичность. Иногда, очень редко, люди это понимают. Существует предание, что древнегреческого архитектора Евпалина спросили, как ему удалось построить столь прекрасный храм. Он ответил: «Этот утонченный храм – всего лишь математическое изображение одной девицы из Коринфа, которую я очень любил когда-то».

А вот к чему привела интрижка Корбюзье с экзотической танцовщицей и певицей Жозефиной Бейкер. Корбюзье познакомился с ней на теплоходе. «Он рисовал ее без устали: танцующую, обнаженную, спящую. Только спустя много лет он вдруг понял, что эти изображения Жозефины заставили его изменить все в своей архитектуре! Многие удивлялись: пророк прямых линий, геометрических построений, строгой сетки вдруг стал... делать проекты, где линии были кривыми, улицы извилистыми. Достаточно взглянуть на план застройки Алжира: что-то знакомое чудится в этих кривых...» [7, с. 128–129]. Далее, по-моему, цитировать неприлично. Желающие могут обратиться к источнику. В любом случае смысл ясен.

А как понимать фразу, которую говорит герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» художник Бэзил Холлуорд лорду Генри: «В тех моих картинах, на которых Дориан не изображен, его влияние чувствуется еще сильнее. Как я уже тебе сказал, он словно подсказывает мне новую манеру письма. Я нахожу его как откровение в изгибах некоторых линий, в нежной прелести иных тонов» [8, с. 40].

Но мы, зная уже это, попробуем вернуться к понятию пространства и выяснить, что же нам делать теперь, когда мы поняли всё это. Попутно отвечу появившимся критикам. Я не отрицаю пространство особенного, например, пространство субъекта. Я лишь отрицаю абсолютное пространство.

к ценным прозрениям в философии» [9, с. 64]. А мы пойдем еще глубже. Разберемся с наглядным образом, лежащим в основе понятия пространства, и посмотрим, что мы получим.

Мы выяснили, что на уровне образа пространство это граница. Это не вместилище, это граница. Пространства как вместилища, как вмещающей в себя все пустоты, нет. Это только граница. Надо хорошо уяснить это. Пространство это не то, что разделяет меня и тебя, это граница, внутри которой происходит такое разделение. Вот правда исходного образа.

Но не вправе ли мы пойти дальше и спросить: граница чего? Граница пространства? Пространство – граница пространства. Похоже на тавтологию. Никакой тавтологии нет. Чтобы избежать дурной бесконечности, о которой предупреждал Гегель, количественное увеличение пространства должно приводить к его качественным изменениям. Граница просто обозначает скачок. Пожалуйста: одномерное пространство это граница двумерного, двумерное пространство – граница трехмерного и т. д.

Рассмотрим двумерное пространство, как границу трехмерного. Проще простого. Это шар – излюбленный образ физиков-релятивистов. Его поверхность – двумерное пространство, бесконечное для двумерных существ, имеющих одномерную границу, определяющую их индивидуальность. Здесь появляется субъект. Л. Витгенштейн пишет: *Das Subjekt gehört nicht zur Welt, sondern es ist eine Grenze der Welt*. Дословный перевод: субъект не принадлежит миру, а он есть граница мира [9, с. 56]. Добавим здесь, что некоторые из гипотетических двумерных существ, ползающих по двумерной поверхности своего трехмерного мира, и воспринимающих все в одном измерении, могли бы понять, что на самом деле их мир трехмерен (шар!), т. к. двумерный мир, который, кстати, уже не доступен их восприятию, как нам наш трехмерный, существовать не может. Но это самые умные, вроде нас с вами.

Из сказанного следует, кстати, что качественно определенное пространство имеет только внутренние границы.

Если продолжить работу с этим образом, то выяснится, что мы, а вместе с нами и весь *наш мир* (мир отдельного), в том числе и планеты и звезды и галактики, ползаем по трехмерной границе некоего четырехмерного мира, сами воспринимая мир как двумерную картинку, ограничивающую наше восприятие³, придется нам теперь задуматься об этом четырехмерном мире, лежащем в основе нашего.

³ Так называемый гороптер – совокупность строго определенных точек в окружающем пространстве.

Обратите внимание, все эти интересные, на мой взгляд, мысли – результат работы с образом и никак не вытекают из нашего эмпирического опыта.

Анализ образа приводит нас к метафизике. К мышлению о том, что стоит за наглядностью. Образ заслоняет реальность и одновременно подсказывает направление мышления. Так он превращается в символ, т. е. начинает относиться не к означаемому, которое могло бы иметь место или подвергнуться верификации, а к области интуитивного знания, становясь посредником между проявленным и скрытым, обозначая неизвестную сущность, сложную для осознания [10, с. 113, 131].

Проведя эту работу, мы приобрели полезный опыт.

И природное и «психологическое» объединяет то, что они имеют основу себя в трансцендентном. И то и другое лишь изображение на стене пещеры.

Образ всегда соответствует какому-то конкретному, единичному событию, осознание которого превращает его в факт. Пытаясь постичь сущность, мы ждем подсказку в каком-либо единичном событии-факте. Вспомним ванную Архимеда или яблоко Ньютона.

Существует особая категория фактов. В одном таком факте, как в кристалле, отражается целый принцип, целый закон. Я назвал бы такой факт ключевым фактом. Понимание сути такого факта тождественно озарению. А иногда на него опирается целая теория. Например, оригинальная теория агрессии И. А. Фурманова, рассматривающая агрессию как модель поведения, обеспечивающую адаптацию человека, как один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности [11, с. 15], родилась из наблюдения за одним из стилей ухаживания, когда молодой человек активно добивается благосклонности своей любимой, а не находится в пассивном ожидании ответного чувства. Звонки по телефону выступают как преследование, назначение свидания или поход в гости (которые могут не нравиться) как принуждение и т. п.

И еще пример. Студент отделения психологии Владимир Кустанович выдвинул гипотезу: позитивное решение нравственной дилеммы (т. е. решение в пользу нравственных принципов, а не эгоистического интереса) вызывает повышение полнезависимости⁴. На эту мысль его навел следующий случай. Он шёл по улице и увидел брошенного котёнка. Он подобрал котенка и принес домой. Через три дня котенок ослеп. Можно было выбросить котенка, но Владимир решил оставить его у себя. Приняв такое решение, он вдруг понял

теперь ему безразлично их мнение. (Ранее он предполагал у себя боязнь оценки⁵). Позже мы проверили его гипотезу экспериментально.

К таким ключевым фактам всегда возвращаются, когда возникают сомнения в правильности теории.

У меня тоже есть такие ключевые факты. В основном они собраны мной в процессе работы в кабинете психологической помощи ЕГУ. Итак, вот исходный материал для анализа.

В кабинет психологической помощи ЕГУ обратилась студентка с просьбой объяснить ей сновидение, приснившееся ей накануне и которое произвело на нее очень сильное впечатление. Ей приснилась гибель ее жениха. Как будто он идет по улице и вдруг атомный взрыв. Весь город меняется, становится каким-то розовым, безмолвным. Он умирает, а его душа продолжает двигаться куда-то дальше. Во сне она пытается кричать ему, предупредить о какой-то опасности, но он ее не слышит. Я, конечно, наговорил ей всяких глупостей о сновидениях и успокоил. А через два дня я шел мимо одного из деканатов и в открытую дверь увидел, как она ужасно рыдает. Я спросил, в чем дело. Оказалось, что только что позвонили на телефон деканата, просили ее вызвать и сообщили ей, что ее парень (они должны были вот-вот пожениться) погиб в автомобильной катастрофе.

Ее сновидение записано в журнале регистрации в день обращения. Таких случаев зарегистрировано в журнале достаточно много за семь лет работы кабинета. Мы не можем их игнорировать. Я приведу самый яркий.

Полина С. обратилась ко мне после госпитализации в Городской психо-неврологический диспансер за реабилитацией. Она посещала кабинет раз в неделю в течение нескольких лет. Ее предвидения заслуживают отдельного рассмотрения. Вот одно из них. Однажды она пришла ко мне и сказала: мне снилось, что я пришла к Вам, а Вы принимаете меня совсем в другом месте.

– В каком?

– Не знаю, в другом.

– опишите мне его.

– Это было на восьмом этаже (мой кабинет в ЕГУ находился на четвертом), там рядом были метро и остановка электрички.

«Неужели я буду работать в Академии управления», – подумал я.

Через год я был вынужден сменить работу. Перейдя в БГУ, я устроился на полставки в ИПД психологом, и мой кабинет находился на восьмом этаже. Рядом было станция метро «Пролетарская» и остановка электрички. Совсем другое место, но с теми же приметам. Полина пришла ко мне туда. Ожидая ее, я вспомнил,

был довольно далеко от лифта в лабиринте коридоров огромного делового здания. Однако она появилась вовремя. «Как Вы меня нашли?» – спросил я. «Я уже тут была», – ответила Полина и напомнила мне о своем сновидении год назад. Надо сказать, что до моего появления кабинета психологической помощи в ИПД не было.

Работая над этой темой, я собрал обширнейший материал посредством многочисленных интервью и изучения литературы. Но всегда есть сомнения. Поэтому, за редким исключением, я буду анализировать лишь факты, занесенные в журнал регистрации кабинета психологической помощи ЕГУ. Журнал, в который последовательно делали записи трое дежуривших там посменно консультантов, нельзя подделать. И если некое предвидение, например сновидение, задокументировано под определенной датой, а затем, через некоторое время, оно сбылось, чему есть доказательства, то это факт, который трудно поставить под сомнение.

Теперь осталось только провести анализ собранного материала и показать практическое использование его результатов.

Итак, полученные образы (например сновидения) мы рассмотрим как символы, указывающие на нечто происшедшее в той реальности, которая скрыта от сознания и которая порождает нашу. Они должны оказать на нас некое влияние, прежде всего на наше поведение и, что не всегда обязательно, добиться своего понимания, если эмоционального влияния недостаточно.

(Продолжение статьи в следующем номере)

Список цитированных источников

1. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1994.
2. Cassirer, E. Philosophie der symbolischen Formen / E. Cassirer. – Bd. 1. – Berlin, 1923.
3. Символдрама: сборник науч. трудов / под ред. Я. Л. Обухова и В. А. Поликарпова. – Минск: ЕГУ, 2001.
4. Войтинский, В. С. 1917. Год побед и поражений / В. С. Войтинский. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999.
5. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М.: Эксмопресс, Харьков: Фолио, 1999.
6. Поликарпов, В. А. Dasein-анализ как метод психотерапии / В. А. Поликарпов // Dasein-анализ в философии и психологии: сборник науч. работ по ред. М. А. Михайлова и Г. М. Кучинского. – Минск, ЕГУ, 1999.
7. Рокет, Р. Ле Корбюзье: геометрия любви / Ронни Рокет // Караван историй. – 2006. – № 11.
8. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд // Избранные произведения: в 2 т. – М.: Гослитиздат, 1960. – Т. 1.
9. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М., «Гнозис», 1994. – Ч. 1. – С. 64.
10. Демарне, Б. Символ / Б. Демарне, Л. Нефонтен. – М. АСТ, «Астраль», 2007. – С. 113, 131.
11. Фурманов, И. А. Психология детей с нарушениями